

Цяо Кэ невольно сравнивал себя с Сюй Цзюнем, поэтому не испытывал особого беспокойства. Однако для остальных, несмотря на его талант, возраст и недостаток опыта делали его лишь немногим лучше, чем Гуй Мань.

Услышав слова Лу Мина, Сюй Цин не осмелилась выразить недовольство, лишь погладила голову Цяо Кэ, успокаивая его:

— Не бойся, не бойся, Цяо Бэй такой послушный, режиссер Лу не станет тебя ругать.

Цяо Кэ улыбнулся ей, его ямочки на щеках выглядели особенно мило.

Сюй Цин ущипнула его за щеку:

— Как это у тебя такое лицо получилось, такое красивое? Наверное, вырос на милости. Сказав это, она достала из кармана горсть конфет и сунула ему:

— Ешь больше сладкого, ямочки станут еще слаще, да?

Цяо Кэ подумал: «...» Это что, приставание?

На пятый день наконец настал черед Цяо Кэ. Его первая сцена — это снайперская перестрелка в лесу. Натурные съемки планировались позже, возможно, даже за границей, а сегодняшняя сцена была в основном крупными планами.

Как помощник и телохранитель, выращенный наркоторговцами, этот юноша даже не имел имени. Главарь наркокартеля называл его «Первый», потому что нашел его в январе.

Когда Первый стрелял, на его лице не было никаких эмоций, он не напрягался, словно просто выполнял домашнее задание, данное родителями. Он прятался в траве, лицо было вымазано грязью, только глаза оставались яркими и наивными. Он забирал жизни, но выражение его лица оставалось неизменным.

Перестрелка закончилась победой, но он не радовался, как другие наркоторговцы. С ружьем за спиной он стоял вдали от них, словно посторонний.

Только когда появлялся Чэнь Хань, на его лице медленно расцветала улыбка — чистая, детская.

— Ты хорошо справился, Первый. Что хочешь в награду?

Каждый раз Чэнь Хань спрашивал это, и каждый раз Первый качал головой, словно ему ничего не нужно.

Но на этот раз Первый сказал:

— Хочу в парк аттракционов.

Чэнь Хань удивился, но не придавал этому значения, подумав, что он все же ребенок, и кивнул в знак согласия, после чего развернулся и ушел.

— Ты пойдешь со мной.

Голос Первого был тихим, настолько, что, возможно, только он сам его слышал.

Чэнь Хань остановился, не удержавшись, чтобы обернуться и посмотреть на него.

— Стоп!

Лу Мин остановил съемку. Сюй Цзюнь сыграл плохо — он не должен был оборачиваться. Наркоторговец ценил талант Первого к оружию, держал его рядом как телохранителя и живого щита. Он испытывал к нему жалость, но не слишком много.

Лу Мин разозлился, не пощадив даже известного актера, публично отругал его, а затем, закончив, стал объяснять сцену. Однако Сюй Цзюнь знал все это — он просто не смог сдержаться.

С того момента, как он увидел этого юношу, он не мог сдержаться.

Не мог сдержаться, вспоминая того человека, их прошлые годы. Как они были лучшими друзьями, а затем стали чужими, незнакомцами, которые даже не здоровались.

Сюй Цзюнь не должен был так поступать. Он был профессиональным актером, и отвлечение во время съемок было непрофессиональным.

Сюй Цзюнь потерял самообладание, но он не мог сдержаться.

Услышав о свадьбе Ци Муцина, Сюй Цзюнь начал беспокоиться о том человеке. В последние годы он намеренно избегал новостей о нем, не в силах вынести, как его искренние чувства были брошены в грязь. Когда того человека впервые забанили, он протянул руку помощи, но тот не ответил. Сюй Цзюнь в гневе разбил всю посуду на своей кухне. Позже ситуация ухудшилась, и он уже не мог помочь.

В душе он даже думал, что тот сам виноват, и перестал заботиться, погружившись в работу, делая вид, что никогда не знал его.

Когда однажды он получил приглашение на свадьбу старшего сына семьи Ци, он был шокирован и разгневан, бросился выяснять, и только тогда узнал, что они расстались три года назад.

Сюй Цзюнь засмеялся, думая, что к черту Ци Муцина, почему он не ушел раньше, заставив их с лучшим другом порвать отношения на столько лет.

Тогда Сюй Цзюнь снимался за границей, только мечтая поскорее вернуться. Он хотел встретиться лицом к лицу с лучшим другом и помириться. Хотел крепко обнять этого негодяя и выплакаться.

Но когда он вернулся, он не смог найти его.

Цяо Кэ исчез.

Сюй Цзюнь не осмелился обратиться в полицию. Цяо Кэ, как ни крути, был публичной личностью, и хотя он давно не появлялся в СМИ, он знал, что как только новость о его исчезновении станет известна, сразу же начнутся бесконечные репортажи. Он мог только нанять нескольких знакомых детективов, но прошло полмесяца, и никто не нашел ни малейшего следа Цяо Кэ. Он словно исчез с лица земли, больше не желая появляться в этом мире.

Этот юноша перед ним был слишком похож на Цяо Кэ. Сюй Цзюнь даже подумал, не его ли это ребенок, не знает ли он, где Цяо Кэ. Но Сюй Цзюнь знал, что у Цяо Кэ не могло быть детей — у него не было братьев, сестер или других родственников.

Кроме того, этот мальчик сказал, что его мать носила фамилию Цяо.

Не отец.

Последняя надежда рухнула, и Сюй Цзюнь почувствовал, как боль сжимает его сердце. На словах он говорил, что ему все равно, но в душе он был в отчаянии, чуть ли не рвал на себе волосы. В эти дни он лишь изображал уверенность, но его состояние было хуже, чем когда он порвал отношения с Цяо Кэ. Просто благодаря своему мастерству актера он не подал виду.

Тогда он знал, что тот человек не оставит свою карьеру, знал, что он где-то в этом городе. Но теперь Сюй Цзюнь боялся. Он знал, насколько тот человек горд, никогда не склонял голову ни перед кем. Хотя он не хотел признавать, но после смерти его матери и разрыва с ним, этот негодяй Ци, вероятно, был единственным, кто ему был дорог.

Сюй Цзюнь действительно боялся услышать плохие новости. Он признавал, что сожалеет, но этот парень даже не дал ему шанса попросить прощения.

Когда Сюй Цзюнь начал сниматься с Цяо Кэ, наблюдая за каждым его движением, каждым взглядом, даже уголком губ, который совпадал с тем юношей из его воспоминаний, он наконец потерял контроль над эмоциями.

В последующих сценах Сюй Цзюнь постоянно ошибался, и Лу Мин даже не стал ругать его, просто отправил его наблюдать, заменив его Тань Сяюем для сцен с Цяо Кэ.

Игра Сюй Цзюня в какой-то мере повлияла на Цяо Кэ. Он не понимал, что случилось с Сюй Цзюнем, ведь раньше все было нормально, а теперь он вдруг стал таким. Цяо Кэ тоже волновался, несколько раз сбивался, прежде чем вернуться в нужное состояние. Закончив свои сцены, он подумал и сел рядом с Сюй Цзюнем.

Цяо Кэ был в том возрасте, когда тело активно растет, плюс съемки давили на него, и он быстро проголодался, съедая пять раз в день. Чу Мин еще не вернулся с едой, а ассистент Сюй Цзюня был отправлен прочь. Видя, как тот сидит, сгорбившись на стуле, выглядел он очень одиноким.

Цяо Кэ достал из кармана несколько конфет и протянул их:

— Сестра Сюй Цин дала, очень сладкие.

Сюй Цзюнь долго не двигался, только его чёлка слегка колыхнулась.

— Правда не хочешь? В съемочной группе больше ни у кого нет, сестра Сюй Цин дала только мне, сказала, что только красавчикам. Брат Сюй, ты красавчик?

Цяо Кэ не убрал руку, продолжая держать конфеты на ладони.

Сюй Цзюнь был в полном недоумении, совсем не желая отвечать на такой детский вопрос.

Однако Цяо Кэ продолжал болтать, словно намереваясь не умолкать, пока не получит ответа. Сюй Цзюнь был бессилен перед ним. Этот парень улыбался так ярко, что ударить его точно

нельзя, а ругать — разве не видно, как сестра Сюй Цин смотрит на него с предупреждением?

Если он посмеет обижать этого малыша, которого она опекает, завтра эта двоюродная сестра придет к нему домой и расскажет его родителям все его секреты.

Но когда Сюй Цзюнь протянул руку, чтобы взять конфету, Цяо Кэ отдернул ее. Увидев, как тот сузил глаза, Цяо Кэ улыбнулся. Этот парень все так же легко поддается на провокацию.

— Ну, открой рот.

Цяо Кэ развернул конфету и поднес к губам Сюй Цзюня:

— Только одну, сладкого тебе нельзя много.

Сюй Цзюнь машинально открыл рот и взял конфету, но в следующую секунду он понял, что сказал тот. Он схватил запястье Цяо Кэ, его голос стал напряженным:

— Откуда ты знаешь, что мне нельзя сладкого?!

Цяо Кэ стоял спиной к свету, и Сюй Цзюнь не мог разглядеть его выражение, только увидел, как он, кажется, улыбнулся.

— Я догадался.

Цяо Кэ нарочно сделал милое лицо, скорчил рожицу:

— Брату Сюй уже за тридцать, а не ребенок, разве ты любишь сладкое?

Затем он крепко сжал оставшиеся конфеты в руке, его красивое лицо выражало настороженность:

— Это все мое, я признаю, что брат Сюй самый красивый, но конфеты ты у меня не отберешь.

Сказав это, он игриво подмигнул.

Сюй Цзюнь наконец понял, что его разыграли, и, смеясь, почувствовал, как его раздражение немного улеглось.

<http://bllate.org/book/16742/1540008>